

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:
по материалам международной конференции «Диалог 2019»

Москва, 29 мая — 1 июня 2019 г.

ПОСЛЕЛОЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА: МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ ВНУТРИЯЗЫКОВОГО ВАРЬИРОВАНИЯ¹

Лютикова Е. А.

МГУ имени М. В. Ломоносова, МПГУ,
Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина

Герасимова А. А.

МГУ имени М. В. Ломоносова, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина

В статье рассматриваются методы исследования внутриязыковой вариативности на материале падежного варьирования в послеложных конструкциях в татарском языке. Татарские послеложные конструкции обнаруживают дифференцированное падежное маркирование зависимого: выбор падежной формы определяется морфолого-синтаксическим классом зависимой именной синтагмы. При этом для послелогов, синхронно связанных с существительными, выбор падежного оформления зависимого осложняется варьированием притяжательной и непритяжательной форм. В данном исследовании с помощью корпусных и экспериментальных методик устанавливается распределение падежных вариантов, а также определяется статус варьирования с синхронной и диахронической точек зрения. Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что процесс грамматикализации послеложных слов еще не завершен. Так, послеложные конструкции проявляют ряд свойств именных изафетных конструкций: это касается как выбора падежа зависимого, так и наличия/отсутствия согласовательных показателей на послелого. Полученные результаты позволяют охарактеризовать вариативность в синхронном срезе языка, а также провести сравнение методик исследования внутриязыкового варьирования. В статье показывается, что использование различных

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 18-18-00462 «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика», реализуемого в Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина. Авторы выражают искреннюю благодарность Д. А. Зариповой и А. М. Галиевой за неоценимую помощь в подготовке материалов для экспериментального исследования.

исследовательских методик, как корпусных, так и экспериментальных, не только дает возможность определить направление развития языка в конкретных проблемных областях, но и может служить эмпирической базой для создания описательных грамматик нового типа.

Ключевые слова: послелого, послеложная конструкция, падежное варьирование, корпусная лингвистика, лингвистический эксперимент, татарский язык

POSTPOSITIONAL CONSTRUCTIONS IN TATAR: METHODOLOGIES FOR MEASURING INTRALINGUAL VARIATION²

Lyutikova E. A.

MSU, MPSU, Pushkin State Russian Language Institute

Gerasimova A. A.

MSU, MPSU, Pushkin State Russian Language Institute

The paper addresses the issue of intralingual variation in Tatar postpositional phrases. The nominal in Tatar postpositional phrases demonstrates differential case marking: the choice between genitive and unmarked case form is determined by the morphosyntactic class of the nominal. With postpositions derived from nouns with locative or abstract semantics variation in case assignment is accompanied by presence/absence of the ezafe marker on the postposition. In this paper we use corpus-based and experimental methods to investigate the distribution of grammatical variants and estimate the current status of the variation. We argue that the existing grammatical descriptions do not capture the current state of affairs.

We show that pronouns and nouns do not form a homogeneous class with respect to case marking in the postpositional phrase. The genitive case marking is common for 1st / 2nd person personal pronouns and 3rd person singular personal pronoun. All other pronouns and nouns are primarily used in an unmarked form, an observation supported by both corpus and experimental data.

We argue that the grammaticalization of denominal postpositions is not complete. In both corpus and experimental studies, we observe a wide range of features that unite postpositional phrases with nominal embedded ezafe constructions. First, genitive case marking for the complement

---

² The study has been supported by RSF, project #18-18-00462 “Communicative-syntactic interface: typology and grammar” at the Pushkin State Russian Language Institute. We thank Diana Zaripova and Alfia Galieva who greatly helped in preparing the materials for the experimental study.

is acceptable for non-personal pronouns and nouns. Second, the absence of the ezafe marker is acceptable only with 1st / 2nd person personal pronouns and partially with 1st / 2nd person reflexive pronouns. Third, the case marking of the nominal and the choice of the ezafe marker for the postposition are interrelated. When the complement is genitive, speakers prefer the agreeing form of the postposition. When the complement is unmarked, the postposition shows no agreement with the possessor. This contrast reflects the opposition between ezafe-3 and ezafe-2 constructions, respectively.

Interestingly, the denominal postpositions demonstrate different degrees of grammaticalization. For instance, the postposition *turında* 'about' is mostly used with a possessive affix that shows no agreement. We suppose that the form with the non-agreeing ezafe affix is reanalyzed by the speakers as uninflected.

Another crucial observation concerns the reflexive pronoun *üz*. In both experiments 1st / 2nd person reflexive pronouns show syntactic behavior similar to the one of personal pronouns, while 3rd person singular reflexive pronoun patterns with interrogative pronouns.

As the result of the study, we compare different methodologies for investigation of the intralingual variation. We suggest that the combination of different sources of data, both corpus-based and experimental, provides the fuller description for cases of intralingual variation than a single method. The experimental methods that we used differ in sensitivity to various aspects of language phenomena: the elicited production is better in distinguishing deviation from the grammatical pattern; the acceptability judgements show to what extent a grammatical innovation is used. Remarkably, the comparison of the different sources of data allows us to determine the direction of language change and estimate the current status of the variation.

Key words: postposition, postpositional phrase, case variation, ezafe, corpus linguistics, experimental linguistics, Tatar

1. Введение

Как при решении задач, связанных с автоматической обработкой естественных языков, так и при построении языковой теории исследователь неизбежно сталкивается с проблемой языкового разнообразия. Для решения этой проблемы разные по своим задачам области лингвистики используют концептуально сходные методы. Так, в компьютерной лингвистике при переходе от одного языка к другому производят настройку параметров языковой модели в соответствии с новым набором данных, а в теоретических подходах для описания межъязыкового варьирования успешно используется метод параметризации грамматических систем конкретных языков [Лютикова, Циммерлинг, Коношенко 2016].

Метод параметризации также применим к описанию внутриязыкового разнообразия. Подобный подход основывается на предположении о том, что язык представляет собой совокупность грамматических систем. Различная обусловленность вариантов грамматик позволяет выделить несколько типов внутриязыковой вариативности [Герасимова 2016]. Во-первых, вариативность можно рассматривать в пределах языковой общности. Распределение грамматик в этом случае определяется внешними факторами: территориальными (диалекты), социальными (социолекты), функционально-стилистическими

(стили, жанры), историческими (исторический срез языка). Во-вторых, существует распределение грамматик по носителям языка: каждый индивид обладает идиолектом — результатом индивидуальной параметризации. Не исключается сосуществование грамматик и их тесное взаимодействие: так, в пределах одного языка существуют синтаксически омонимичные конструкции, выбор между которыми определяется частными языковыми лицензорами.

Цель статьи — исследовать внутриязыковую вариативность в татарских послеложных конструкциях. Для решения этой задачи используются три метода: корпусный анализ, эксперимент на порождение и эксперимент на оценку приемлемости, — что позволяет не просто установить распределение вариантов, но и определить статус явления с синхронной точки зрения и в перспективе языкового развития.

2. Послеложные конструкции в татарском языке

Послеложные конструкции в татарском языке образует гетерогенная категория лексических единиц, в разной степени грамматикализованных в качестве функциональных. [Татарская грамматика 1993: 309]; [1995: 47] выделяет собственно послелогии и послеложные слова, которые «...отличаются от послелогов тем, что имеют живые словообразовательные отношения и лексико-семантические связи с знаменательными частями речи...». Соответственно, послеложные слова имеют знаменательный эквивалент, обладающий лексическим значением: «В предложении *Язу өстендә озак утырды* ‘Долго сидел над письмом’ *өстендә* — послеложное слово; в предложении *Су өстендә коймә йөзә* ‘Лодка плывет на поверхности воды’ то же самое *өстендә* — имя существительное» [Татарская грамматика 1993: 11].

Послелогии и послеложные слова управляют именной группой в определенной падежной форме. Так, например, послелог *таба(н)* ‘к’ и послеложное слово *курә* ‘ввиду, из-за, по’ управляют дативом, а послелогии *башка* ‘кроме’ и *соң* ‘после’ — аблативом.

Большой класс послелогов и послеложных слов употребляются с именной группой в немаркированной форме, совпадающей с номинативом (татар. *баш килеш*) — падежом подлежащего. В этот класс входят как собственно послелогии, например, *белән* ‘с’, *өчен* ‘для’, так и послеложные слова, соотносимые с существительными с локативным или абстрактным значением, например, *өстендә* ‘над’ (ср. *өс* ‘верх’), *янына* ‘рядом, к’ (ср. *ян* ‘бок’), *урынында* ‘вместо’ (ср. *урын* ‘место’), *ярдәмдә* ‘благодаря’ (ср. *ярдәм* ‘помощь’). Зачастую послеложные слова образуют группы, объединенные общей основой и различающиеся падежными аффиксами, напр. *янына* ‘к’ (датов), *янында* ‘около’ (локатив), *яныннан* ‘мимо’ (аблатив); *артына* ‘за, вслед’ (датов), *артында* ‘за, позади’ (локатив), *артыннан* ‘из-за’ (аблатив).

Татарская грамматика [1993: 253] указывает, что с послелогии и послеложными словами этого класса местоимения-существительные используются в форме генитива. Таким образом, в послеложной конструкции возникает падежное варьирование: именные группы на основе существительного (или

субстантивированного атрибута, отглагольной номинализации и т. п.) демонстрируют немаркированную форму, в то время как местоимения-существительные — форму генитива: «... *аның белән (абый белән) эшләү* 'делать с ним (с братом)', *аның өчен (дустым өчен) тырышу* 'стараться ради него (друга)'. К местоимениям-существительным Татарская грамматика относит личные местоимения 1–2 лица *мин* 'я', *син* 'ты', *без* 'мы', *сез* 'вы', местоимения 3 лица *ул* 'он' и *алар* 'они', возвратное местоимение *үз* 'сам', вопросительные местоимения *кем* 'кто', *нәрсә* 'что', а также образованные на основе вопросительных местоимений серии неопределенных и универсальных местоимений. Дифференцированное маркирование дополнения в послеложной конструкции, таким образом, лицензируется формальным фактором — его морфосинтаксической категорией.

Отличие личных местоимений от прочих субстантивов проявляется также в том, что послеложные слова демонстрируют лично-числовое (притяжательное) согласование с генитивным местоименным дополнением. В примерах (1a)–(1b) показаны согласованные по лицу и числу с местоименным дополнением формы послелога *алдында* 'перед'; в (1c) — тот же послелог в дефолтной форме 3 лица.

- (1) а. *Юк, сез-нең минем алд-ым-да бер гаеб-егез дә юк.*
нет вы-GEN я.GEN перед-1SG-LOC один вина-2PL EMPH нет
'Нет, вы передо мной ни в чем не виноваты.' [TNC]
- б. *Әфәнде-ләр, хәзер мин сез-нең алд-ыгыз-да*
господин-PL сейчас вы-GEN перед-2PL-LOC
бик зур эш ача-чак-мын.
очень большой дело открывать-FUT-1SG
'Господа, сейчас я открою вам (= перед вами) одну очень важную вещь.' [TNC]
- с. *Кыз-лар алд-ын-да ясалма йөр-гән-не*
девушка-PL перед-3-LOC искусственно ходить-PART-ACC
ярат-м-ый-м.
любить-NEG-PRS-1SG
'Не люблю выпендриваться (= лживо ходить) перед девушками.' [TNC]

Причиной вариативной структуры конструкций с послеложными словами является, безусловно, их диахронический источник. Послеложная конструкция представляет собой результат грамматикализации именной синтагмы, возглавляемой локативным или абстрактным существительным в одной из падежных форм. Зависимое в послеложной конструкции, соответственно, является приименным зависимым и образует с вершиной посессивную конструкцию.

Посессивная конструкция в татарском языке также демонстрирует дифференцированное маркирование аргумента-посессора. Традиционная грамматика выделяет два типа посессивных конструкций — изафетную конструкцию 2 и изафетную конструкцию 3³. В изафетной конструкции 2 зависимое вы-

³ В изафетной конструкции 1, образованной соположением двух существительных (*таш йорт* 'каменный дом'), зависимое не может ветвиться, присоединять показатели числа и принадлежности, то есть является вершиной. Ее свойства нерелевантны для обсуждения послеложной конструкции.

ступает в немаркированной форме, вершина несет на себе изафетный (посессивный) показатель (2а). В изафетной конструкции 3 зависимое имеет форму генитива, вершина несет на себе изафетный показатель (2б).

- (2) а. укычы дафтәр-е
ученик тетрадь-3
'ученическая тетрадь, тетрадь ученика'
- б. укычы-ның дафтәр-е
ученик-ГЕН тетрадь-3
'тетрадь ученика'

[Татарская грамматика 1993: 32–37] отмечает, что местоимения-существительные образуют только изафетную конструкцию 3, но не 2, ср. (3а)–(3б); если посессором выступают местоимения 1–2 лица, в разговорной речи возможно опущение изафетного показателя в изафетной конструкции 3 (3с). Структуры, в которых изафетный показатель на вершине возникает в отсутствие выраженного генитивного посессора, естественно рассматривать как изафетную конструкцию 3, в которой в позиции посессора находится нулевое местоимение *pro* соответствующего лица и числа, контролирующее согласование изафетного показателя (3d).

- (3) а. без-нең мәктәб-ебез
мы-ГЕН школа-1PL
'наша школа'
- б. * без мәктәб-ебез
мы школа-1PL
- с. без-нең мәктәп
мы-ГЕН школа
'наша школа'
- д. [pro] мәктәб-ебез
pro.1PL.GEN школа-1PL
'наша школа'

Еще один класс посессоров, которые возможны только в изафетной конструкции 3, но не 2, — это именные группы, сами представляющие собой изафетную конструкцию 3. Это, во-первых, собственно посессивные конструкции, такие как в (3), а также субстантивированные кванторные и атрибутивные конструкции, такие как в (4):

- (4) а. (а-лар-ның) күб-есе
он-PL-GEN много-3
'многие из них'
- б. (без-нең) иң акыл-лы-быз
мы-ГЕН самый ум-ATTR-1PL
'самый умный из нас'
- с. кыз-лар-ның кайсы-сы
девушка-PL-GEN который-3
'которая из девушек'

Остальные типы именных групп могут быть зависимыми в обеих изафетных конструкциях. Выбор между генитивом и немаркированной формой определяется как определенностью зависимой именной группы, так и семантическим отношением между вершиной и зависимым. Так, например, имена собственные обычно выступают в изафетной конструкции 3 (*Марат*(-ның) ата-сы* ‘отец Марата’), однако при обозначении наименования используется изафетная конструкция 2 (*Марат урам-ы* ‘улица Марата’).

В [Pereltsvaig, Lyutikova 2014]; [Лютикова, Перельцвайг 2015]; [Lyutikova, Pereltsvaig 2015]; [Lyutikova 2017] показано, что различия между двумя конструкциями не сводятся к падежному оформлению, но затрагивают различные характеристики посессоров — их структурную позицию в именной группе, их собственный категориальный статус, возможные интерпретации и способность к выражению различных тематических отношений с именной вершиной. Указанные кластеры свойств возникают не случайно, но выводятся из категориального статуса именной группы-посессора. DP-посессоры насыщают аргументные позиции, выражают тематические отношения, получают конкретно-референтную или обобщенно-кванторную интерпретацию, получают падеж, контролируют посессивное согласование показателя изафета и располагаются в крайней левой позиции в именной группе (Spec, DP). Посессоры малой структуры вводятся особой функциональной вершиной Poss, выражают широкий спектр отношений между двумя именными группами, уточняемых на основе энциклопедических знаний, имеют предикатную интерпретацию, не нуждаются в падеже, неспособны контролировать посессивное согласование и располагаются в своей базовой позиции, правее атрибутивных модификаторов (Spec, PossP). Таким образом, дифференцированное маркирование посессора в татарском языке существенно отличается от дифференцированного маркирования дополнения послелога: в послеложной конструкции генитивом оформляются только местоимения-существительные, в то время как в посессивной конструкции — любые именные составляющие, имеющие статус DP, в том числе — изафетная конструкция 3, имена собственные, другие определенные именные группы. Ср. примеры в (5)–(6), демонстрирующие послеложные группы, и (7) с именными группами.

(5) а.	<i>минем</i> / * <i>мин</i>	<i>өчен</i>
	я.GEN / я	для
	‘для меня’	
б.	<i>ата-м</i> / * <i>ата-м-ның</i>	<i>өчен</i>
	отец-1sg / отец-1sg-gen	для
	‘для моего отца’	
в.	<i>Марат</i> / * <i>Марат-ның</i>	<i>өчен</i>
	Марат / Марат-gen	для
	‘для Марата’	
(6) а.	<i>минем</i> / * <i>мин</i>	<i>урын-ым-да</i>
	я.GEN / я	вместо-1sg-loc
	‘вместо меня’	

b.	<i>ата-м</i> / * <i>ата-м-ның</i> отец-1SG / отец-1SG-GEN 'место моего отца'	<i>урын-ын-да</i> место-3-LOC
c.	<i>Марат</i> / * <i>Марат-ның</i> Марат / Марат-GEN 'место Марата'	<i>урын-ын-да</i> место-3-LOC
(7)		
a.	<i>минем</i> / * <i>мин</i> я.GEN / я 'в моей школе'	<i>мәктәб-ем-дә</i> школа-1SG-LOC
b.	* <i>ата-м</i> / <i>ата-м-ның</i> отец-1SG / отец-1SG-GEN 'в школе моего отца'	<i>мәктәб-ен-дә</i> школа-3-LOC
c.	* <i>Марат</i> / <i>Марат-ның</i> Марат / Марат-GEN 'в школе Марата'	<i>мәктәб-ен-дә</i> школа-3-LOC

Таким образом, послелого и послеложные слова, присоединяющие именные группы в немаркированной форме или генитиве, могут стать источником особенно интересного материала для изучения внутриязыковой вариативности. Во-первых, грамматические свойства конструкции включают в себя выбор между генитивным или немаркированным оформлением зависимой именной группы. Даже если этот выбор однозначно предопределен морфологическими характеристиками именной группы, варьирование может быть функционально специфицированным и передавать особое семантическое противопоставление (так, например, выбор формы аккузатива, опирающийся на признак одушевленности, в русском языке создает возможность тонкой семантической дифференциации между конструкциями, ср. *увидел трех цыплят vs. съел три цыпленка*). Во-вторых, сосуществование в языке послеложных слов и омонимичных им существительных, деривационная связь между которыми, по свидетельству авторов Татарской грамматики, ощущается носителями татарского языка, позволяет предположить, что способы оформления именной синтагмы будут оказывать влияние и на оформление послеложной группы.

Для проверки этих предположений были проведены корпусное и экспериментальное исследование управления послелогов и послеложных слов интересующего нас класса. Далее в статье мы опишем полученные нами результаты.

3. Корпусное исследование

Материалы для исследования были получены нами из Татарского национального корпуса «Туган тел» («Родной язык»)⁴, включающего в свой состав размеченные тексты на литературном татарском языке и насчитывающего более 180 млн. словоупотреблений. Корпус включает тексты различных жанров: художественную литературу, тексты СМИ, учебную литературу, научные

⁴ <http://tugantel.tatar/>; в статье примеры из этого корпуса имеют помету [TNC].

публикации и др. В корпусе реализован морфологический поиск, есть возможности поиска по лексеме и словоформе, а также поиска нескольких лексем или словоформ, удовлетворяющих определенным линейным или структурным характеристикам (например, на расстоянии 2 слов, в пределах одного предложения, после запятой и т. п.).

Для исследования были отобраны две группы лексических единиц. Во-первых, это послелого, не имеющие позиции для лично-числового согласования и синхронно нечленимые на именную основу, изафетный показатель и падежный аффикс: *аркылы* 'через, поперек, посредством', *белән* 'с', *булып* 'подобно, в качестве', *катыш* 'вперемежку с', *кебек* 'как', *өчен* 'для', *сәбәпле* 'из-за, по причине', *сымак* 'как', *төсле* 'подобно', *шикелле* 'как'. Во-вторых, это послеложные слова, формально совпадающие с падежной формой притяжательного склонения синхронно функционирующих существительных: *алдында* 'перед' (*ал* 'перед'), *аркасында* 'из-за' (*арка* 'спина'), *артында* 'за' (*арт* 'зад'), *астында* 'под' (*ас* 'низ'), *нигезендә* 'благодаря, за' (*нигез* 'основа'), *өстендә* 'над' (*өс* 'верх'), *тарафыннан* 'посредством' (*тараф* 'сторона'), *тирәсендә* 'рядом' (*тирә* 'окрестность'), *турында* 'о' (*туры* 'прямо, напротив'), *урынында* 'вместо' (*урын* 'место'), *хақында* 'о' (*хак* 'право, правда'), *янында* 'сбоку, около, у' (*ян* 'бок'), *ярдәмендә* 'благодаря' (*ярдәм* 'помощь').

На корпусном материале изучались возможные с данными послелогоми и послеложными словами конструкции при разных морфолого-синтаксических классах зависимых. В качестве зависимых выступали:

- личные местоимения 1–2 лица *мин* 'я', *син* 'ты', *без* 'мы', *сез* 'вы';
- местоимения 3 лица *ул* 'он' и *алар* 'они';
- возвратное местоимение *үз* 'сам' с изафетным показателем *үзем* 'я сам', *үзең* 'ты сам', *үзе* 'он сам';
- вопросительные местоимения-существительные *кем* 'кто' и *кемнәр* 'кто.рл.';
- субстантивированные атрибутивные местоимения *кайсыбыз* 'который из нас' и *кайсыгыз* 'который из вас';
- существительное *кыз* 'девушка'.

В корпусе осуществлялся поиск следующих конструкций. Для послелогов строились запросы двух типов: субстантив в генитиве плюс послелог и субстантив в немаркированной форме плюс послелог (напр., *безнең белән* и *без белән* 'с нами'). Для послеложных слов, помимо падежного варьирования, учитывались также варьирование притяжательной и непритяжательной форм послелога (напр., *аркасында* и *аркада* 'из-за'), а также согласование послелога в притяжательной форме в случае, если субстантив имеет грамему 1–2 лица, как интерпретируемую (у личных местоимений), так и согласовательную (у возвратного местоимения и субстантивированных атрибутивных местоимений). Таким образом, для послеложных слов проверялись конструкции 6 типов: *үземнең аркада*, *үзем аркада*, *үземнең аркамда*, *үзем аркамда*, *үземнең аркасында* и *үзем аркасында* 'из-за меня самого'.

Из грамматического описания, представленного в предыдущем разделе, следует, что дистрибуция конструкций должна выглядеть следующим образом. С послелогоми мы ожидаем противопоставления местоимений-существительных,

получающих генитив, собственно существительным, выступающим в немаркированной форме. Статус субстантивированных атрибутивных местоимений не вполне очевиден: они не относятся к разряду местоимений-существительных, упомянутых в грамматике, однако являются, с одной стороны, местоимениями, а с другой стороны, производными субстантивами. С учетом этого в **Таблице 1** их дистрибуция определена условно, как совпадающая с дистрибуцией существительных.

Таблица 1. Ожидаемая дистрибуция падежных форм с послелогоми

Пример	безнең белән	без белән
	(GEN)	(NOM)
личные местоимения 1–2 лица	+	–
личные местоимения 3 лица	+	–
возвратное местоимение	+	–
вопросительные местоимения-существительные	+	–
субстантивированные атрибутивные местоимения	(–)	(+)
существительные	–	+

Для послеложных слов мы ожидаем такой же падежной дистрибуции. Противопоставление притяжательной и непритяжательной форм послелога, по видимому, должно быть ортогонально дистрибуции падежных форм. Личночисловое согласование притяжательной формы предположительно возможно только в случае, когда признаки лица и числа контролера согласования сами не являются согласовательными. Такая логика действует, например, в предикативном (8a) и посессивном (8b) согласовании.

- (8) а. *Без-нең укытучы-быз кил-де(*-к).*
 мы-GEN учитель-1PL приходит-pst(-1PL)
 ‘Наш учитель пришел.’
- б. *без-нең укытучы-быз-ның дәфтәр-е / *-ебез.*
 мы-GEN учитель-1PL-GEN тетрадь-3 / (-1PL)
 ‘тетрадь нашего учителя’

Ожидаемая дистрибуция конструкций с послеложными словами представлена в **Таблице 2**; ячейки, соответствующие невозможным комбинациям, закрашены.

Таблица 2. Ожидаемая дистрибуция конструкций с послеложными словами

Пример	Непритяжательная форма		Притяжательная согласуемая форма		Притяжательная несогласуемая форма	
	GEN	NOM	GEN	NOM	GEN	NOM
	үземнең аркада	үзем аркада	үземнең аркамда	үзем аркамда	үземнең аркасында	үзем аркасында
личные местоимения 1–2 лица	+	–	+	–	–	–
личные местоимения 3 лица	+	–			+	–
возвратное местоимение	+	–	–	–	+	–
вопросительные местоимения-существительные	+	–			+	–
субстантивированные атрибутивные местоимения	(–)	(+)	(–)	(–)	(–)	(+)
существительные	–	+			–	+

Результаты, полученные в корпусном исследовании, отличаются от ожидаемых в нескольких отношениях.

Во-первых, падежное оформление зависимого как послелогов, так и с послеложных слов противопоставляет личные местоимения 1–2 лица и местоимение 3 лица ед. ч. *ул*, с одной стороны, и все прочие субстантивы, включая местоимение 3 лица мн. ч. *алар*, вопросительные и возвратные местоимения, с другой стороны. В **Таблице 3** показаны результаты поиска конструкций с послелогом *өчен* ‘для’; прочие послелогом дают аналогичную картину.

Таблица 3. Результаты поиска для послелога *өчен* ‘для’

	GEN	NOM		GEN	NOM
<i>мин</i> ‘я’	2530	0	<i>үзем</i> ‘я сам’	0	337
<i>син</i> ‘ты’	835	0	<i>үзең</i> ‘ты сам’	0	127
<i>без</i> ‘мы’	1189	0	<i>үзе</i> ‘он сам’	0	730
<i>сез</i> ‘вы’	427	0	<i>ул</i> ‘он’	2740	0
<i>кем</i> ‘кто’	0	148	<i>алар</i> ‘они’	0	905
<i>кемнәр</i> ‘кто.рл’	0	22	<i>кыз</i> ‘девушка’	0	66
<i>кайсыбыз</i> ‘который из нас’	0	1	<i>атасы</i> ‘его/ее отец’	0	13
<i>кайсыгыз</i> ‘который из вас’	0	0	<i>балалар</i> ‘дети’	0	1152
			<i>дәүләт</i> ‘государство’	0	27
			<i>эш</i> ‘работа’	0	279

Во-вторых, противопоставление притяжательной и непритяжательной форм послелого оказывается значимым: непритяжательная форма возможна только в сочетании с личными местоимениями 1–2 лица (см. **Таблицу 4** для послеложного слова *тарафыннан* ‘посредством’)⁵. Очевидно, что эта дистрибуция повторяет закономерности, выявленные для именной синтагмы: допустимость опущения изафетного показателя в изафетной конструкции 3 с посессором 1–2 лица. При этом, однако, послеложная конструкция не может быть отождествлена с именной синтагмой: так, в примере (9а) послеложная конструкция *безнең тарафтан* ‘нами’ используется для выражения агентивного дополнения при пассиве; аналогичный пример (9б) демонстрирует послеложную конструкцию *минем аркада* ‘из-за меня’.

- (9) а. Ул безнең тарафтан әзерлә-н-еп,
он мы-GEN посредством готовить-PASS-CONV
«Съембикә» журналында хәзерге чор укучыларына да ирешкән иде.
‘Она (статья) была нами подготовлена и представлена (=сделана доступной) современному читателю в журнале «Сююмбике».’ [TNC]
- б. Минем аркада өч гәнаһ-сыз кеше теге дөнья-га кит-те.
я.GEN из-за 3 вина-ATR человек тот мир-DAT уходить-PST
‘Из-за меня 3 безвинных человека отправились на тот свет.’ [TNC]

Таблица 4. Результаты поиска для послеложного слова *тарафыннан* ‘посредством’

	Непритяжательная форма		Притяжательная согласуемая форма		Притяжательная несогласуемая форма	
	GEN	NOM	GEN	NOM	GEN	NOM
<i>мин</i> ‘я’	68	0	3 (39) ⁶	0	0	0
<i>син</i> ‘ты’	9	0	9 (12)	0	0	0
<i>без</i> ‘мы’	95	0	0 (4)	0	0	0
<i>сез</i> ‘вы’	18	0	1 (1)	0	0	0
<i>кем</i> ‘кто’	0	0			0	60
<i>кемнәр</i> ‘кто.рл’	0	0			0	19
<i>кайсыбыз</i> ‘который из нас’	0	0	0	0	0	0

⁵ В целях экономии места мы показываем данные в табличной форме только для некоторых послелогов и послеложных слов. Внутри каждого из двух классов — послелогов и послеложных слов, исключая *турында* ‘о’ — различия между лексическими единицами в отношении дистрибуции конструкций статистически незначимы (ANOVA, $p > 0,05$). Об особенностях конструкций с послеложным словом *турында* ‘о’ см. ниже.

⁶ Число в скобках обозначает количество примеров, содержащих послелог в согласуемой форме с опущенным местоимением 1–2 лица и отсутствием выраженного зависимого. Мы полагаем, что в таком случае зависимым в послеложной конструкции выступает *pro*, аналогично посессивной конструкции (3d).

	Непритяжательная форма		Притяжательная согласуемая форма		Притяжательная несогласуемая форма	
	GEN	NOM	GEN	NOM	GEN	NOM
кайсыгыз 'который из вас'	0	0	0	0	0	0
үзем 'я сам'	0	0	0	0	0	0
үзең 'ты сам'	0	0	0	0	0	0
үзе 'он сам'	0	0			0	57
ул 'он'	0	0			140	0
алар 'они'	0	0			0	68
кыз 'девушка'	0	0			0	8
атасы 'его/ее отец'	0	0			0	6
балалар 'дети'	0	0			0	10
дәүләт 'государство'	0	0			0	89
эш 'работа'	0	0			0	0

В-третьих, выяснилось, что возвратное местоимение *үз*, принимая согласовательные показатели 1–2 лица, в конструкциях с послеложными словами может демонстрировать свойства личных местоимений 1–2 лица. Во-первых, оно может выступать не только в форме номинатива, но и в форме генитива. Такие конструкции зафиксированы, в частности, для послеложных слов *алдында* 'перед', *аркасында* 'из-за', *артында* 'за', *астында* 'под', *өстендә* 'над', *урынында* 'вместо', *янында* 'сбоку, около, у'. Во-вторых, если *үзем* 'я сам' и *үзең* 'ты сам' выступают в форме генитива, то они могут контролировать согласование притяжательной формы послеложного слова (10a)–(10b) или выступать с непритяжательной формой послеложного слова (11a)–(11b). Оба эти свойства отмечаются только у личных местоимений 1–2 лица.

- (10) а. *Мин барыбер а-ны үз-ем-нең ян-ым-да*
я все.равно он-ACC сам-1SG-GEN рядом-1SG-LOC
ит-еп сиз-ә-м.
делать-CONV чувствовать-PRS-1SG
'Я все равно чувствую его рядом с собой.' [TNC]
- б. *Үз-ең-нең ян-ың-да бит, тырыш, тыйнак,*
сам-2SG-GEN рядом-2SG-LOC вот старательный скромный
күз-ең-ә генә кара-п ләббәйкә
глаз-3SG-DAT EMPH смотреть-CONV «слушаюсь!»
ди-еп тора.
говорить-CONV AUX
'Вот он рядом с тобой, старательный, скромный, заглядывает в глаза, говорит «слушаюсь!».' [TNC]
- (11) а. *...үз-ем-нең хак-та — эш хак-ын-да артык нәрсәюк.*
сам-1SG-GEN о-LOC работа о-3-LOC лишний что нет
'О себе — о работе <я не сказал> ничего лишнего.' [TNC]

- в. *Хужалык эш-лэр-е тулысынча үз-ем-нең өс-тә.*
 хозяйство работа-PL-3 полностью сам-1SG-GEN над-LOC
 ‘Хозяйственные заботы полностью на мне.’ [TNC]

В-четвертых, послеложное слово *турында* ‘о’ проявляет особые свойства (см. **Таблицу 5**). Обращает на себя внимание появление личных местоимений 1–2 лица в конструкции с несогласуемой притяжательной формой, что невозможно для остальных исследованных послеложных слов. Такого рода употребления (ср. пример (12)) встречаются чаще, чем конструкции с согласуемой притяжательной формой.

Таблица 5. Результаты поиска для послеложного слова *турында* ‘о’

	Непритяжательная форма		Притяжательная согласуемая форма		Притяжательная несогласуемая форма	
	GEN	NOM	GEN	NOM	GEN	NOM
<i>мин</i> ‘я’	254	0	9 (14)	0	48	0
<i>син</i> ‘ты’	157	0	10 (18)	0	71	0
<i>без</i> ‘мы’	75	0	0 (4)	0	9	0
<i>сез</i> ‘вы’	102	0	2 (2)	0	9	0
<i>кем</i> ‘кто’	0	0			0	93
<i>кемнәр</i> ‘кто.PL’	0	0			0	16
<i>кайсыбыз</i> ‘который из нас’	0	0	0	0	0	0
<i>кайсыгыз</i> ‘который из вас’	0	0	0	0	0	0
<i>үзем</i> ‘я сам’	0	0	0	0	0	130
<i>үзең</i> ‘ты сам’	0	0	0	0	0	106
<i>үзе</i> ‘он сам’	0	0			0	468
<i>ул</i> ‘он’	4	0			1061	0
<i>алар</i> ‘они’	0	1			0	408
<i>кыз</i> ‘девушка’	0	0			0	78
<i>атасы</i> ‘его/ее отец’	0	0			0	16
<i>балалар</i> ‘дети’	0	0			0	65
<i>дәүләт</i> ‘государство’	0	0			0	3
<i>эш</i> ‘работа’	0	0			0	147

- (12) *әйт-егез ала, минем тур-ын-да академия-гә*
 говорить-2PL ка я.GEN о-3-LOC академия-DAT
нәрсә яз-ды-гыз?
 что писать-PST-2PL
 ‘Скажите-ка, вы что обо мне в академию написали?’ [TNC]

Очевидно, что появление подобных конструкций говорит о дальнейшей грамматикализации послеложного слова *турында* ‘о’, при которой его внутренняя форма становится непрозрачной для носителей языка, а позиция для личностного согласования утрачивается. Тем не менее, противопоставление

притяжательной и непритяжательной форм послеложного слова сохраняется, так что непритяжательная форма остается доступной только для личных местоимений 1–2 лица.

Таким образом, корпусное исследование позволило нам сделать целый ряд нетривиальных обобщений об употреблении послеложных конструкций разной структуры в текстах на литературном татарском языке, не нашедших отражения в грамматиках. Вместе с тем очевидны и ограничения корпусного исследования. Во-первых, не удалось выяснить, как ведут себя в контексте послеложных слов субстантивированные атрибутивные местоимения: они встретились только в контексте послелогов *белэн* ‘с’ и *очен* ‘для’ в немаркированной форме, в количестве, явно недостаточном для обобщений (4 употребления и 1 употребление, соответственно). Во-вторых, в рамках корпусного исследования возникает проблема демаркации послеложных слов и имён, особенно в семантически неоднозначных контекстах. Так, в примере (13) только привлечение более широкого контекста позволяет понять, что *минем аркамда* является здесь послеложной конструкцией ‘из-за меня’, а не именной синтагмой ‘у меня на спине’.

- (13) *Баш-ы-н*   *капша-ды* —   *жылы*   *кан*.
 голова-3-асс   щупать-рст   горячий   кровь
 «*Минем*   *арка-м-да*   *харап*   *бул-ды*», —   *дип*
 я.GEN   из-за-1sg-loc   загубленный   статья-рст   сомр
уйла-ды   *Мисбах,*   *кот-ы*   *чыг-ып*.
 думать-рст   Мисбах   душа-3   выходить-conv
 ‘Пощупал ему голову — горячая кровь. «Из-за меня погиб», — подумал Мисбах, ужаснувшись.’ [TNC]

Кроме того, неясно, в какой степени не встретившиеся в корпусе или встретившиеся в незначительном количестве конструкции воспринимаются носителями татарского языка как неприемлемые. Преодолеть указанные ограничения позволяет экспериментальное исследование, направленное на изучение использования и оценки послеложных конструкций разной структуры носителями татарского языка.

4. Эксперимент на порождение

Для того, чтобы изучить стратегии падежного маркирования для разных морфолого-синтаксических классов зависимых в послеложной конструкции, а также связанное с этим варьирование притяжательной и непритяжательной форм послелога, мы провели эксперимент с многофакторным дизайном. Первый фактор «Тип вершины в послеложной конструкции» имеет 2 уровня: послелоги без позиции для лично-числового согласования, послеложные слова (в эксперименте мы использовали те же группы послелогов и послеложных слов, для которых собиралась информация в корпусе). Второй фактор «Тип зависимого в послеложной конструкции» имеет 6 уровней: личные местоимения 1–2 лица, возвратное местоимение 1–2 лица, возвратное местоимение 3 лица, вопросительные местоимения-существительные, субстантивированные атрибутивные

местоимения, имена существительные собственные. Комбинация двух факторов дает 12 условий, на каждое из которых было подобрано два экспериментальных предложения.

Респонденты видели предложения, в которых на месте послеложных конструкций был пропуск, зависимое и послелог находились в скобках в словарной форме (14). Задание заключалось в том, чтобы заполнить пропуски, раскрыв скобки наиболее естественным образом.

(14) Кичэ мин (син, турында) _____ мәкалә укыдым.
 ‘Вчера я прочитал статью о тебе’.

В эксперименте участвовало 119 респондентов, из них релевантные ответы дали 109 человек (средний возраст 23; SD = 7; мин. возраст 17, макс. возраст 61; 85 женщин и 23 мужчины). Прежде чем приступить к эксперименту, каждый респондент отвечал на вопросы социолингвистической анкеты. Результаты анкетирования позволили нам контролировать уровень знания татарского языка: установлено, что 90 из 109 респондентов родились и проживают в Республике Татарстан и ежедневно общаются по-татарски в семье и в месте учебы или работы.

При обработке результатов мы провели логлинейный анализ, который показал значимое взаимодействие экспериментальных факторов ($p = 0,001$). В-первых, значимым оказывается противопоставление послелогов и послеложных слов. В частности, при послелогах используется преимущественно немаркированная форма возвратных местоимений, а при послеложных словах обе падежные формы становятся доступны, причем при возвратных местоимениях 1–2 лица значимо преобладает генитив (критерий χ^2 , $p \ll 0,001$). Тип вершины в послеложной конструкции оказывает значимое влияние на выбор падежной формы вопросительных местоимений-существительных и субстантивированных атрибутивных местоимений (критерий χ^2 , $p < 0,001$): при послеложных словах становится допустимым использование генитива.

Таблица 6. Результаты эксперимента на порождение для послелогов и послеложных слов

	Послелог		Послеложные слова	
	GEN	NOM	GEN	NOM
мин ‘я’, син ‘ты’	189	11	142	1
имена сущ. собственные	0	202	3	212
үзем ‘я сам’, үзең ‘ты сам’	8	208	116	81
үзе ‘он сам’	14	193	95	104
кем ‘кто’, нәрсә ‘что’	0	143	16	183
кайсыбыз ‘который из нас’, кайсыгыз ‘который из вас’	3	156	27	176

Во-вторых, выяснилось, что личные местоимений 1–2 лица преимущественно используются с притяжательной несогласуемой формой послеложного слова. Интересно, что в корпусе такая конструкция встретилась только для

послелога *турында* (Таблица 5), а для всех остальных послеложных слов встречалась неприятная форма, которая в эксперименте использовалась в совсем незначительных количествах.

В-третьих, обнаружили интересные свойства возвратных местоимений. Так, при послелогах наблюдается такое же распределение падежных форм, как у существительных и вопросительных местоимений. При послеложных словах ситуация меняется: в случае использования формы генитива возвратные местоимения 1–2 лица контролируют согласование послеложного слова, а также могут сочетаться с неприятной формой послеложного слова, т. е. демонстрируют свойства личных местоимений 1–2 лица. В случае немаркированных форм *үзем* 'я сам', *үзең* 'ты сам' преимущественно выбирается форма послеложного слова без согласования (критерий χ^2 , $p < 0,001$). Таким образом, в случае возвратных местоимений 1–2 лица наиболее ярко видно противопоставление послелогов и послеложных слов: с послелогами дистрибуция падежных форм возвратных местоимений 1–2 лица совпадает с дистрибуцией падежных форм существительных, а с послеложными словами у возвратных местоимений 1–2 лица начинают проявляться свойства личных местоимений 1–2 лица.

При субстантивированных атрибутивных местоимениях респонденты, напротив, не допускают согласования послеложного слова, хотя, как и в случае возвратных местоимений, используют генитив с приятной несогласуемой формой. В целом экспериментальные данные подтверждают, что субстантивированные атрибутивные местоимения демонстрируют те же свойства, что и вопросительные местоимения-существительные.

Отметим отдельно, что респонденты практически не использовали неприятные формы послелогов, хотя немногочисленные случаи употребления были именно при местоимениях 1–2 лица, как предсказывало корпусное исследование.

Таблица 7. Соотношение форм послеложных слов, использованных в эксперименте на порождение

	Неприятная форма		Приятная согласуемая форма		Приятная несогласуемая форма	
	GEN	NOM	GEN	NOM	GEN	NOM
<i>мин</i> 'я', <i>син</i> 'ты'	5	0	38	0	99	1
имена сущ. собственные	0	0			3	212
<i>үзем</i> 'я сам', <i>үзең</i> 'ты сам'	9	0	85	16	22	65
<i>үзе</i> 'он сам'	0	0			95	104
<i>кем</i> 'кто', <i>нәрсә</i> 'что'	0	0			16	183
<i>кайсыбыз</i> 'который из нас', <i>кайсыгыз</i> 'который из вас'	0	0	0	0	27	176

5. Эксперимент на оценку приемлемости

Во втором эксперименте мы просили респондентов оценить предложения с послеложными конструкциями по шкале Ликерта от 1 до 5. В эксперименте на оценку использовался тот же факторный дизайн, что и в эксперименте на порождение, но количество стимульного материала возросло до 42 предложений: добавился фактор падежа (2 уровня: генитив и немаркированная форма), а также на каждое послеложное слово теперь приходилось до трех форм (непритяжательная, притяжательная согласуемая для субстантивов с граммемой 1–2 лица и непритяжательная несогласуемая). В эксперименте на оценку приемлемости участвовал 31 респондент-участник предыдущего эксперимента, а также 7 новых участников (средний возраст 24; SD = 8; мин. возраст 17, макс. возраст 62; 30 женщин и 8 мужчин).

Многофакторный дисперсионный анализ показал, что все выделенные факторы значимо влияют на оценки приемлемости ($p << 0,001$)⁷. Для всех морфолого-синтаксических классов зависимых в послеложной конструкции с послелогами, кроме возвратных местоимений 1–2 лица, результаты двух экспериментов совпадают. Для *үзем* 'я сам', *үзең* 'ты сам' при послелогах используется немаркированная форма, но в оценках значимого различия между двумя падежными формами нет.

Для послеложных слов результаты эксперимента также частично расходятся с данными порождения. Оказывается, что для личных местоимений 1–2 лица как наиболее приемлемые оцениваются предложения с послеложным словом в непритяжательной форме, в то время как при порождении выбиралась притяжательная форма послеложного слова без согласования. Напомним, что предпочтительность непритяжательной формы послеложного слова с личными местоимениями 1–2 лица прослеживается и в корпусе. Примечательно, что возвратные местоимения 1–2 лица снова группируются с личными местоимениями: для них генитив более приемлем, чем немаркированная форма. Однако возможность контроля согласования для возвратных местоимений 1–2 лица в оценках не обнаруживается, хотя наблюдается при порождении. Таким образом, противопоставление двух типов конструкций, генитива возвратного местоимения 1–2 лица *үземнең* / *үзеңнең* при форме послелога с согласовательным показателем и немаркированной формы *үзем* / *үзең* при форме послелога без согласовательного показателя, которое наблюдалось при порождении, в оценках никак не проявляется.

Для возвратного местоимения 3 лица, напротив, оценки выявляют противопоставление генитива и немаркированной формы как при послелогах, так и при послеложных словах: более высокие оценки получает номинатив, в то время как при порождении обе формы были одинаково допустимы. Таким образом, в эксперименте на оценку приемлемости респонденты воспринимают возвратные местоимения 3 лица как существительные.

---

⁷ Для сравнения оценок использовался *t*-критерий Стьюдента; для всех значимых различий, которые упомянуты в статье, *p*-value $<< 0,001$. Оценки были нормализованы (*z*-score transformed).

Наконец, результаты эксперимента выявляют интересные свойства у субстантивированных атрибутивных местоимений: хотя при порождении в конструкции с послеложным словом в несогласуемой притяжательной форме предпочтение отдается немаркированной форме местоимения, более высокие оценки получает форма генитива. Другими словами, распределение оценок для данного типа зависимого существенно отличается от распределения для вопросительных местоимений-существительных.

Распределение оценок для разных конфигураций послеложных конструкций показано на Рис. 1; звездочкой отмечены статистически значимые различия при попарном сравнении оценок падежных форм зависимого.

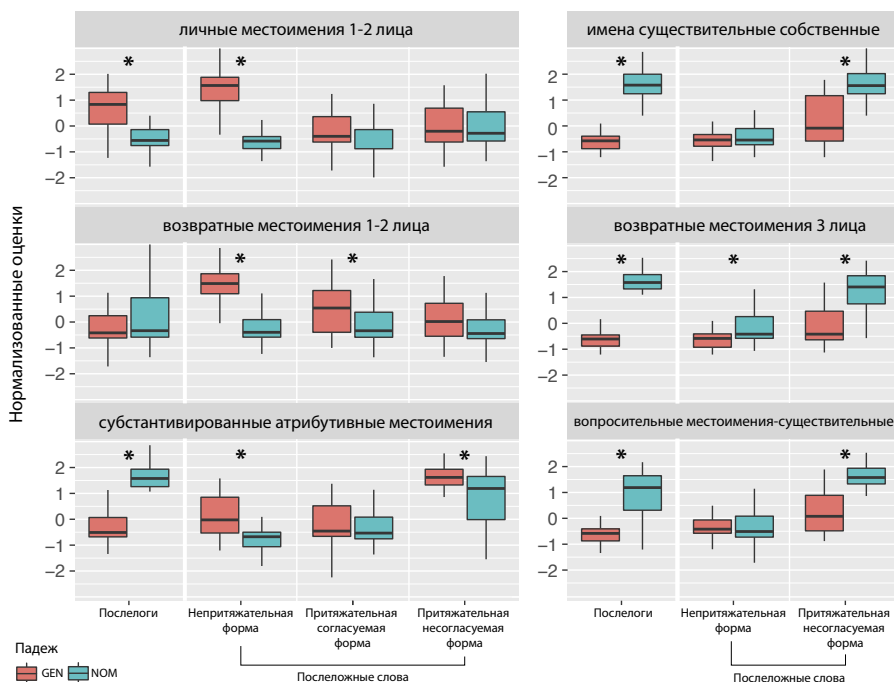

Рис. 1. Результаты эксперимента на оценку приемлемости для различных типов зависимых в послеложной конструкции

6. Выводы

Проведенное исследование показало существенные отличия между представленными в грамматическом описании и наблюдаемыми в языковом поведении носителей татарского языка характеристиками послеложной конструкции. Отличия касаются как выбора падежной формы зависимого, так и возможностей согласования послеложного слова.

Во-первых, местоимения-существительные не образуют единого класса в отношении падежного оформления в послеложной конструкции. Форма

генитива характерна для личных местоимений 1–2 лица и местоимения 3 лица ед. числа; прочие местоимения-существительные демонстрируют явную тенденцию к употреблению в немаркированной форме, что подтверждается как корпусным, так и экспериментальными исследованиями. Эта закономерность прослеживается как для послелогов, так и для послеложных слов, хотя и в разной степени.

Во-вторых, можно заключить, что процесс грамматикализации послеложных слов еще не завершен. Несмотря на то, что в корпусном исследовании не учитывались омонимичные послеложным словам существительные в своем лексическом значении (контроль производился вручную), а в экспериментальных исследованиях функциональное значение конструкции было достаточно жестко навязано контекстом, наблюдается целый ряд свойств, объединяющих послеложные конструкции с именными изафетными конструкциями. Это: (1) возможность выбора генитива зависимого для не-личных местоимений и существительных; (2) предпочтение непритяжательной формы послелога только с личными местоимениями 1–2 лица и, частично, с возвратными местоимениями 1–2 лица; (3) корреляция между выбором генитива зависимого и согласуемой притяжательной формой, с одной стороны, и выбором немаркированной формы зависимого и несогласуемой притяжательной формой, с другой стороны, отражающая противопоставление изафетных конструкций 3 и 2, соответственно.

В-третьих, сами послеложные слова, по-видимому, грамматикализованы в разной степени. Особенно ярко в этом отношении выглядит контраст между послеложным словом *турында* 'о' и практически синонимичным ему послеложным словом *хакында* 'о': у послелога *турында* 'о' в корпусе фиксируются несогласованные притяжательные формы в конструкциях с личными местоимениями 1–2 лица. По-видимому, это означает, что в синхронных грамматиках носителей татарского языка несогласованная притяжательная форма фиксируется как неизменяемая. Можно предположить, что и другие послеложные слова в дальнейшем будут утрачивать позицию для лично-числового согласования. На это указывают, в частности, данные эксперимента на порождение, в котором не только *турында* 'о', но и другие послеложные слова были употреблены с личными местоимениями без согласования притяжательной формы послеложного слова. Более того, в эксперименте на оценку приемлемости не было обнаружено значимых различий между согласованной и несогласованной формой послеложного слова в таком контексте.

Особый интерес представляет поведение возвратного местоимения *уз* 'сам' в притяжательной форме 1–2 и 3 лица. С точки зрения внутреннего синтаксиса данных форм *узем* 'я сам' и *узең* 'ты сам' представляют собой изафетную конструкцию 3 с генитивным посессором 1/2 лица, а *узе* 'он сам' — изафетную конструкцию 2 или 3 с посессором 3 лица. Соответственно, эти формы — именные группы 3 лица с субстантивной вершиной, а граммема 1–2 лица у них является согласовательной. Полученные в корпусном исследовании данные не противоречат такой трактовке этих местоимений. Однако и в эксперименте на порождение, и в эксперименте на оценку приемлемости наблюдается тенденция

унификации возвратных местоимений 1–2 лица с личными местоимениями: они получают генитив, допустимы с непритяжательной формой послеложного слова, а с притяжательной формой контролируют согласование послеложного слова по лицу. Возвратное местоимение 3 лица *үзе* ‘он сам’ не отличается по своему поведению от вопросительных местоимений-существительных: оно получает номинатив и не может употребляться с непритяжательной формой послеложного слова.

Субстантивированные атрибутивные местоимения с изафетным показателем 1–2 лица *кайсыбыз* ‘который из нас’, *кайсыгыз* ‘который из вас’ демонстрируют существенное расхождение результатов экспериментов на порождение и оценку приемлемости. Если при порождении они единообразно интерпретировались как именные группы 3 лица (номинатив, несогласуемая притяжательная форма послеложного слова), то оценки приемлемости показывают противопоставление послелогов и послеложных слов. С послелогом *кайсыбыз* ‘который из нас’ и *кайсыгыз* ‘который из вас’ предпочтительны в форме номинатива; с послеложными словами же оценки генитива значимо выше оценок номинатива, а употребление их с непритяжательной формой послеложного слова расценивается как допустимое. Возможность согласования послеложного слова по лицу изафетного показателя не выявляется ни при порождении, ни в оценках приемлемости, что противопоставляет субстантивированные атрибутивные местоимения возвратному местоимению.

Предпринятое обсуждение позволяет также сделать выводы о возможных методиках оценки внутриязыкового варьирования. Представляется, что корпусное исследование и различные экспериментальные методики не исключают, а дополняют друг друга. Так, например, достоверные данные о характеристиках послеложных конструкций с субстантивированными атрибутивными местоимениями и возвратными местоимениями удалось получить только экспериментальным путем. С другой стороны, корпусное исследование позволило выявить классы проблемных контекстов и отобрать лексический материал для экспериментальных исследований.

В целом можно заключить, что количественные методы исследования способны существенно дополнить прескриптивный подход к языку. Сравнивая результаты использования этих методов, мы можем определять направление развития языка в данной проблемной области, видеть тенденции, характеризующие сегодняшнее состояние языка, и экстраполировать их, предсказывая следующие состояния. Кроме того, использование экспериментальных методов и методов корпусного анализа позволяет значительно усовершенствовать существующие описательные грамматики. В отечественной лингвистике уже есть положительный опыт использования корпусных данных в качестве эмпирической базы в проекте корпусной грамматики русского языка (rusgram.ru). Мы предполагаем, что методы экспериментального синтаксиса также способны расширить грамматические описания и приблизить их к наблюдаемому языковому поведению носителей. Причем, как показывает настоящее исследование, применение экспериментальных методик может быть особо эффективным для языков, обладающих более скромными текстовыми ресурсами по сравнению

с официальными. Сами экспериментальные методики также различаются по «чувствительности»: методика порождения более тонко улавливает возможные отклонения от грамматического образца, а методика оценки приемлемости позволяет нивелировать элемент случайности и оценить распространенность инновации в языковом сообществе. Отдельно стоит отметить, что экспериментальные методики, особенно в сочетании с корпусными, могут быть использованы для собственно лингвистической оценки состояния языка, его статуса как находящегося вне опасности или потенциально угрожаемого. Все эти соображения позволяют рассматривать корпусные и экспериментальные методики как мощный инструмент исследования внутриязыкового варьирования и его параметризации.

Литература

1. Герасимова А. А. (2016) Параметрический подход к внутриязыковому варьированию: проблемы и методы // *Рема. Rhema*. № 3. С. 63–74.
2. Лютикова Е. А., Перельцвайг А. М. (2015) Структура именной группы в безартиклевых языках: универсальность и вариативность // *Вопросы языкознания*. № 3. С. 52–69.
3. Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В., Коношенко М. Б. (2016) Языковое разнообразие в зеркале параметрической грамматики // Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг, М. Б. Коношенко (ред.). *Типология морфосинтаксических параметров*, Вып. 3. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». М.: МПГУ. С. 5–15.
4. *Татарская грамматика* (1993) Т. 2: Морфология / Под ред. М. Ф. Закиева. Казань: изд-во Казанского гос. ун-та.
5. *Татарская грамматика* (1995) Т. 3: Синтаксис / Под ред. М. Ф. Закиева. Казань: изд-во Казанского гос. ун-та.
6. Lyutikova E. (2017) Agreement, case and licensing: Evidence from Tatar. *Урал-алтайские исследования*. Т. 25. № 2. С. 25–45.
7. Lyutikova E., Pereltsvaig A. (2015) The Tatar DP. *Canadian Journal of Linguistics*. Vol. 60. No. 3. P. 289–325.
8. Pereltsvaig A., Lyutikova E. (2014) Possessives within and beyond NP: Two ezafe-constructions in Tatar. *Advances in the syntax of DPs: Structure, agreement, and case*, ed. by A. Bondaruk, G. Dalmi and A. Grosu. Amsterdam: Benjamins. P. 193–219.

References

1. Gerasimova A. A. (2016). A parametric approach to intralingual variation: problems and methods [Parametricheskii podkhod k vnutriazykovomu var'irovaniyu: problemy i metody]. *Rhema*, № 3, pp. 63–74.
2. Lyutikova E. (2017). Agreement, case and licensing: Evidence from Tatar. *Ural-Altai Studies [Uralo-altaiskie issledovaniya]*, Vol. 25, № 2, pp. 25–45.

3. *Lyutikova E., Pereltsvaig A.* (2015). The Tatar DP. *Canadian Journal of Linguistics*, Vol. 60, № 3, pp. 289–325.
4. *Lyutikova E. A., Pereltsvaig A. M.* (2015). Noun phrase structure in article-less languages: universality and variation [Struktura imennoi gruppy v bezartiklevykh yazykakh: universal'nost' i variativnost']. *Voprosy jazykoznanija*, № 3, pp. 52–69.
5. *Lyutikova E. A., Zimmerling A. V., Konoshenko M. B.* (2016). Linguistic Diversity from the Perspective of Parametric Grammar [Yazykoe raznoobrazie v zerkale parametriceskoi grammatiki]. *Typology of morphosyntactic parameters*, Vol. 3. Proceedings of the international conference “Typology of morphosyntactic parameters 2016” [Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov, Vypusk. 3. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2016»], MPGU, Moscow, pp. 5–15.
6. *Pereltsvaig A., Lyutikova E.* (2014). Possessives within and beyond NP: Two ezafe–constructions in Tatar. *Advances in the syntax of DPs: Structure, agreement, and case*. Benjamins, Amsterdam, pp. 193–219.
7. *Zakiev M. F. ed.*, (1993). *Tatar grammar. Vol. 2: Morphology* [Tatarskaya grammatika. T. 2: Morfologiya], Izdatel'stvo KGU, Kazan.
8. *Zakiev M. F. ed.*, (1995). *Tatar grammar. Vol. 3: Syntax* [Tatarskaya grammatika. T. 3: Sintaksis], Izdatel'stvo KGU, Kazan.